Д. К. Зеленинъ.

КЪ ВОПРОСУ

ОБЪ ИЗУЧЕНІИ

СОЦІАЛЬНОЙ СТОРОНЫ ЖИЗНИ ЯЗЫКА.

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1915.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Ноябрь 1915 г.

Непремѣнный Секретарь академикъ *С. Ольденбургъ*.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
33Z
52

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. XX (1915 г.), кн. 3.

Къ вопросу объ изученіи соціальной стороны жизни языка [1]).

Жизнь языка находится въ тѣсной связи съ другими проявленіями общественной жизни человѣчества. Въ частности, распространеніе новыхъ языковыхъ явленій въ народной толщѣ происходитъ по законамъ психологіи не индивидуальной, а психологіи соціальной, по законамъ «психологіи народовъ».

Можно сказать, что языкъ имѣетъ двѣ разныхъ исторіи: одну—внутреннюю, звуковую, исторію словъ и формъ, измѣняющихся по законамъ физіологическимъ и психическимъ,—и другую—внѣшнюю, исторію той соціальной среды, въ которой протекаетъ жизнь языка.

Современные языковѣды согласны въ томъ, что для полнаго пониманія жизни языка необходимо параллельное изученіе всѣхъ этихъ сторонъ, т. е. стороны звуковой, физіологической, психологической и соціальной. Но эти разныя стороны въ жизни языка изучаются языковѣдами

---

1) Настоящая статья представляетъ собою рѣчь, произнесенную мною на диспутѣ 17 мая 1915 года передъ защитою моей диссертаціи «Великорусскіе говоры съ неорганическимъ и непереходнымъ смягченіемъ задненебныхъ согласныхъ, въ связи съ теченіями позднѣйшей великорусской колонизаціи». (Спб. 1913). Вотъ почему я въ настоящей своей статьѣ подхожу къ вопросу объ изученіи соціальной стороны языка съ точки зрѣнія только одной діалектической особенности, соціальныя условія распространенія которой изучены мною въ названной моей книгѣ, а именно—съ точки зрѣнія неорганическаго и непереходнаго смягченія задненебныхъ согласныхъ въ разныхъ великорусскихъ говорахъ.

Д. З.

далеко не равномѣрно. И меньше всего удѣляется вниманія именно соціальной сторонѣ языка.

По главнѣйшему вопросу соціальной стороны языка, по вопросу о законахъ и условіяхъ распространенія въ народной толщѣ новыхъ языковыхъ явленій, современные языковѣды принуждены довольствоваться весьма старыми общими теоріями, созданными еще представителями *старо*-грамматической школы языковѣдѣнія. Я разумѣю «теорію родословнаго дерева» Августа Шлейхера и теорію волнообразнаго развитія языковъ Іоганна Шмидта. Послѣдняя изъ этихъ двухъ теорій появилась въ 1872 году, т. е. немного менѣе полустолѣтія тому назадъ.

Объ указанныя теоріи признаны современнымъ языковѣдѣніемъ неудовлетворительными. Но на практикѣ современные языковѣды принуждены пользоваться именно этими устарѣвшими теоріями, по крайней мѣрѣ—ихъ терминологіей, да и многими общими положеніями, вслѣдствіе отсутствія новыхъ общихъ теорій по данному вопросу.

И не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что въ близкомъ будущемъ не появится новой теоріи, которая могла бы замѣнить устарѣвшія теоріи Шлейхера и Шмидта. Для появленія такой новой теоріи необходимъ рядъ подготовительныхъ, частныхъ изслѣдованій, а ихъ-то пока совсѣмъ и нѣтъ.

Въ своей работѣ «Великорусскіе говоры съ неорганическимъ и непереходнымъ смягченіемъ задненебныхъ согласныхъ» я поставилъ себѣ задачею—дать именно такое подготовительное, частичное изслѣдованіе по вопросу объ условіяхъ и способахъ распространенія въ народной толщѣ новыхъ языковыхъ явленій.

Та мелкая діалектическая особенность, которая послужила ближайшимъ предметомъ моего изученія, представляетъ, съ точки зрѣнія указанной мною цѣли, нѣкоторыя благопріятныя условія.

Во-первыхъ, неорганическое и непереходное смягченіе задненебныхъ согласныхъ въ великорусскихъ говорахъ представляется чертой какъ бы изолированною, обособленною отъ другихъ діалектическихъ особенностей великорусскихъ говоровъ. Область распространенія неорганическаго смягченія задненебныхъ согласныхъ въ великорусскихъ говорахъ не совпадаетъ съ областью распространенія *ни одной другой* діалектической

черты великорусскаго нарѣчія. Такимъ образомъ, неорганическое смягченіе задненебныхъ въ великорусскихъ говорахъ можно разсматривать даже внѣ всякой связи съ другими великорусскими діалектическими особенностями; вслѣдствіе этого прослѣдить ходъ постепеннаго распространенія этой черты много легче для изслѣдователя, нежели выяснить условія и способы распространенія какой-либо иной діалектической особенности.

Во-вторыхъ, неорганическое смягченіе появилось въ великорусскихъ говорахъ въ недавнее, сравнительно, время, вѣроятно не ранѣе XV столѣтія.

Русскій языкъ не получилъ въ наслѣдство отъ общеславянскаго языка звуковыхъ сочетаній: задненебный согласный + слѣдующій за нимъ мягкій гласный. Всѣ такого рода звуковыя сочетанія были устранены еще въ общеславянскую эпоху, когда онѣ были замѣнены иными сочетаніями: шипящій или свистящій согласный + мягкій гласный. Въ древнерусскомъ языкѣ не было совсѣмъ звуковыхъ сочетаній типа: кя, кю, ке, ки. Не было, значитъ, и привычки къ такого рода сочетаніямъ. Вновь такая привычка могла образоваться въ языкѣ только на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій.

Если эти теоретическія соображенія сопоставить съ данными имѣющихся въ нашемъ распоряженіи древнерусскихъ письменныхъ памятниковъ, а также съ тѣмъ обстоятельствомъ, что ни въ малорусскихъ, ни въ бѣлорусскихъ говорахъ неорганическаго смягченія задненебныхъ не наблюдается,—то на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ можно съ большою достовѣрностью сдѣлать тотъ выводъ, что неорганическое смягченіе задненебныхъ въ великорусскихъ говорахъ не могло появиться ранѣе XV вѣка.—А если такъ, то распространеніе этой черты во многихъ говорахъ происходило еще позднѣе, въ XVI и слѣдующихъ вѣкахъ. Нѣкоторыя основанія заставляютъ съ большою вѣроятностью предполагать, что въ нѣкоторыхъ глухихъ мѣстностяхъ великорусской области, наприм. въ Пошехонскомъ уѣздѣ, въ Жиздринскомъ уѣздѣ, на Вяткѣ, неорганическое смягченіе распространялось еще и въ XIX столѣтіи, какъ черта модная.

Соціальныя условія народной жизни въ XVI-мъ и слѣдующихъ столѣтіяхъ для изслѣдователя сравнительно ясны и понятны. Вслѣдствіе

этого изслѣдователю здѣсь представляется полная возможность выяснить ходъ и условія распространенія данной діалектической особенности и, главное, достигнуть въ этомъ вопросѣ сравнительно прочныхъ выводовъ.

Въ своемъ изслѣдованіи по указанному вопросу я пришелъ къ слѣдующимъ главнымъ выводамъ.

На югѣ, въ области южновеликорусскихъ, акающихъ говоровъ, неорганическое смягченіе задненебныхъ распространялось, какъ черта сословнаго говора. Это была отличительная особенность говора военно-служилыхъ людей Московской Руси. Высшій разрядъ этого военно-служилаго сословія состоялъ изъ «дѣтей боярскихъ», которые легко могли усвоить неорганическое смягченіе въ Москвѣ. Низшіе разряды военно-служилаго люда усвоивали ту же черту по сознательному подражанію своимъ старшимъ и высшимъ товарищамъ.—Правительственная колонизація постепенно и планомѣрно переводила военно-служилыхъ людей съ сѣвера на югъ, въ глубь степи, съ одной военно-укрѣпленной линіи на слѣдующую; и черезъ это интересующая насъ черта скоро и легко распространилась по всему пространству южно-великорусскихъ степей.

На сѣверѣ, въ области сѣверно-великорусскихъ, окающихъ, говоровъ, не было правительственной колонизаціи, какъ не было и военно-служилаго сословія. Тамъ мы встрѣчаемся съ иными факторами распространенія интересующей насъ діалектической черты.

Такимъ факторомъ было прежде всего колонизаціонное теченіе изъ Ростовско-Суздальской области, т. е. изъ мѣстностей нынѣшнихъ губерній Владимірской и Ярославской, на сѣверъ и сѣверо-востокъ. Населеніе Ростовско-Суздальской области унесло эту черту, съ колонизаціонными волнами, на р. Сухону, а оттуда—на Вятку.

Другимъ факторомъ было торгово-промышленное движеніе по судоходнымъ рѣкамъ, т. е., главнымъ образомъ, бурлачество и коноводчество. Въ частности, въ бурлацкихъ артеляхъ на Волгѣ происходили непосредственныя столкновенія южно-великоруссовъ съ сѣверно-великоруссами, и здѣсь, напр., вятчане легко могли заимствовать тѣ или иныя діалектическія особенности непосредственно отъ рязанцевъ и тамбовцевъ.—(Кстати замѣчу: здѣсь, быть можетъ, разгадка того сходства вятскихъ и рязанскихъ говоровъ, которое подмѣчено проф. Е. Ѳ. Будде и на осно-

ваніи котораго названный ученый діалектологъ высказалъ даже особую теорію заселенія Вятскаго края рязанскими вятичами,—теорію, съ исторической точки зрѣнія совершенно непріемлемую).—Что судоходное движеніе по рѣкамъ оказало вліяніе на распространеніе интересующей насъ черты, о томъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что близъ судоходныхъ рѣкъ неорганическое смягченіе выражено рѣзче, чѣмъ вдали отъ такихъ рѣкъ [1]).

Наконецъ, нѣкоторое значеніе имѣли старовѣры, бѣжавшіе изъ Москвы и подмосковныхъ мѣстъ въ глухіе углы сѣверо-восточной Европы, а также переселяемые помѣщиками, особенно же Уральскими заводовладѣльцами, крѣпостные крестьяне.

Такимъ образомъ, изучая ходъ распространенія неорганическаго смягченія въ разныхъ великорусскихъ говорахъ, мы сталкиваемся съ условіями распространенія діалектической черты, не имѣющими, казалось бы, никакого отношенія къ жизни языка. Таковы: сословныя отношенія и мода, сознательное подражаніе низшихъ слоевъ населенія высшимъ слоямъ, промышленныя артели и культурно-промышленное движеніе вообще, наконецъ—разнаго рода колонизація—правительственная, вольная народная, колонизація на почвѣ религіозныхъ гоненій и на почвѣ крѣпостного права.

Изучая постепенный ходъ и условія распространенія неорганическаго смягченія задненебныхъ въ разныхъ великорусскихъ говорахъ, мы приходимъ еще и къ инымъ выводамъ, относящимся уже не къ области общаго языковѣдѣнія, а къ спеціальной области русской діалектологіи и русской исторической этнографіи.

Одинъ изъ главныхъ и вмѣстѣ одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ русской діалектологіи и русской исторической этнографіи — вопросъ о

---

1) Евг. Юл. Перфецкій сообщилъ мнѣ, что въ низовьяхъ Западнаго Буга, въ Брестскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи и въ сосѣднихъ уѣздахъ Волынской губерніи, распространены нѣкоторыя мадьярскія слова, напр. ḥазда «хозяинъ» и др. Мадьяръ здѣсь по-близости нѣтъ, и эти слова могли быть занесены сюда только бурлаками изъ Галичины, сплавляющими лѣсъ по р. Бугу.

Д. З.

появленіи великорусскаго нарѣчія, т. е. вопросъ о сліяніи въ одно цѣлое двухъ весьма различныхъ между собою—по говору и по быту—частей великорусскаго населенія.

Діалектологическая разница южно-великорусскихъ, акающихъ, и сѣверно-великорусскихъ, окающихъ, говоровъ настолько велика и существенна, что вопросъ о существованіи особой эпохи пра-великорусскаго единства подверженъ весьма большому сомнѣнію.

Вопросъ этотъ должно рѣшить прежде всего изслѣдованіе неорганическаго и непереходнаго смягченія задненебныхъ согласныхъ, такъ какъ это одна изъ тѣхъ весьма немногихъ, позднихъ по времени своего появленія, діалектологическихъ особенностей, которая одинаково широко распространена какъ въ южно-великорусскихъ акающихъ, такъ и въ сѣверно-великорусскихъ окающихъ говорахъ, отсутствуя въ говорахъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ. Если отвергать существованіе особой эпохи пра-великорусскаго единства, то трудность представляетъ рѣшеніе вопроса о томъ, какимъ образомъ неорганическое и непереходное смягченіе задненебныхъ согласныхъ перешло изъ одной группы великорусскихъ говоровъ въ другую, діалектологически столь отличную.

Въ своемъ изслѣдованіи по этому вопросу я пришелъ къ тому *выводу*, что предполагать существованіе особой эпохи пра-великорусскаго единства достаточныхъ основаній нѣтъ. Неорганическое и непереходное смягченіе задненебныхъ согласныхъ легко могло перейти изъ акающихъ говоровъ въ окающіе совсѣмъ на иной почвѣ.

Въ XV—XVI столѣтіяхъ южно-великорусскія степи запустѣли. Подъ вліяніемъ весьма участившихся набѣговъ со стороны крымцевъ и, частью, ногаевъ, населеніе этихъ степей принуждено было покинуть насиженныя мѣста на продолжительное время. Оно бѣжало частью на западъ—въ полѣсья, расположенныя въ западныхъ частяхъ нынѣшнихъ губерній Орловской и Калужской, и далѣе, въ предѣлы Литвы и Польши; главнымъ же образомъ бѣженцы шли на сѣверъ, за р. Оку, которая служила лучшею защитою отъ хищническихъ нападеній южныхъ кочевническихъ ордъ.

Здѣсь, въ междурѣчьѣ между Окой и Волгой, въ громадномъ множествѣ прихлынувшіе южно-великорусскіе бѣженцы сильнѣйшимъ образомъ перемѣшались съ кореннымъ сѣверно-великорусскимъ населеніемъ.

Какъ прямое слѣдствіе такого смѣшенія, появилась широкая полоса смѣшанно-переходныхъ говоровъ, которую и теперь мы встрѣчаемъ на границѣ южно-великоруссовъ и сѣверно-великоруссовъ. Теперь полоса этихъ «средне-великорусскихъ» говоровъ только, вѣроятно, уже, чѣмъ она была прежде.

Чрезъ посредство этихъ, смѣшанно-переходныхъ «средне-великорусскихъ» говоровъ, сѣверно-великорусскихъ по своей основѣ, но усвоившихъ рядъ южно-великорусскихъ особенностей, неорганическое и непереходное смягченіе задненебныхъ могло уже съ большою легкостью распространиться во многихъ говорахъ, сохранившихъ свой сѣверно-великорусскій обликъ въ бо́льшей чистотѣ.

Указанное появленіе смѣшанно-переходной полосы великорусскихъ говоровъ имѣло весьма большое вліяніе на всю дальнѣйшую судьбу великорусскаго нарѣчія, главнымъ образомъ потому, что въ области этой смѣшанно-переходной полосы оказался правительственный и культурный центръ старой Руси—Москва. Когда говоръ Москвы сдѣлался общерусскимъ литературнымъ языкомъ, онъ, въ качествѣ смѣшанно-переходнаго говора, оказался почти одинаково близкимъ какъ сѣверно-великоруссамъ, окальщикамъ, такъ и южно-великоруссамъ, акальщикамъ, что́ сильно способствовало дальнѣйшему объединенію этихъ двухъ группъ великорусскаго населенія.

Дм. Зеленинъ.